

Оливандер начал передавать Гарри палочку за палочкой. Проходили минуты, и каждая палочка едва реагировала на его прикосновения, и Гарри стал убаюкиваться мыслью, что ни одна из них не сработает. Поэтому он был потрясен, когда следующая палочка, особенно хрупкая, взметнула искры и вспыхнула, как только он взял её в руки. Палочка упала на пол и продолжала гореть, пока Оливандер не потушил её взмахом своей палочки, оставив после себя обгоревший стержень рукоятки и странный серебристый волос. Держась за палочки, Гарри почувствовал, как его магия устремилась в них, умоляя о свободе. Однако палочки, казалось, не могли достаточно быстро отвести его чрезмерную магию в нужное русло, и это приводило к тому, что его магия стала затормаживаться. Это напомнило ему случай, когда Дадли наступил на шланг, и вода затекла в него, пока шланг не лопнул. Как и вода в шланге, его магия либо пробивалась сквозь барьер, оставляя палочку сломанной, либо возвращалась обратно к Гарри с неприятным ощущением неправильности. Это чувство вызывало у него быстрое отвращение, от которого он хотел избавиться навсегда. Вскоре Гарри оказался в окружении гор палочек, и Оливандер, похоже, становился всё более счастливым каждый раз, когда палочка плохо реагировала, а Гарри начал терять бодрость. Когда Оливандер вручил ему очередную палочку — "из ели с пером феникса, 11 дюймов, слегка пружинистая", — он, казалось, засиял от радости. Когда Гарри взял эту палочку, как и все предыдущие, его магия устремилась вперед, но на этот раз палочка без проблем смогла направить её в нужное русло, и Гарри показалось, что весь магазин наполнился его магией. "Наконец-то хоть что-то, что я могу использовать," — подумал он. Однако палочка сопротивлялась, жала его и заставляя бросить её на пол, где она сама по себе дала несколько слабых искр, после чего затихла. — "А я никогда! Мистер Поттер, за все мои годы работы я никогда не сталкивался с подобной ситуацией. Я точно знаю, какая палочка лучше всего вам подойдет, но, к сожалению, я уже продал её около 60 лет назад. Перо феникса в палочке из ели сделало бы с вами чудеса, но, похоже, проблема в самом дереве... Ель предпочитает тех, кому нужна помощь в преодолении сильных эмоций, и подходит почти любому ребёнку до 13 лет..." Гарри самозабвенно шамкал ногами; он знал, что контролирует свои эмоции лучше, чем любой другой ребёнок в своей школе, ведь это умение позволяло ему избежать лишнего внимания со стороны Дурслей. Ему казалось, что раньше никто этого не замечал, и он начал ненавидеть это, ведь он был единственным, кто нуждался в таком контроле. К счастью, Оливандер продолжал говорить, не обращая внимания на неловкость Гарри. — "Все палочки, которые лучше всего тебе подошли, были из кедра, пихты, акации или сосны. Эти породы часто благоприятствуют людям независимым, сильным, и, что самое главное, тем, кто пережил или переживет смертельный конфликт. Другими, менее популярными породами являются бук, орех и тис — эти породы чаще всего встречаются в руках особенно сильных ведьм и волшебников, магически или физически. Палочка, которую я продал, была из тиса и пера феникса. Перо феникса — близнец той палочки из остролиста, что лежит на полу. Я бы порекомендовал бузину, как наиболее подходящую для вас, но сам я не работал с бузиной, поскольку очень немногие волшебники способны её использовать. Поэтому, даже если бы у меня была бузина, я бы не решился отдать её вам." — "Видите ли, каждый раз, когда волшебник связывался с бузиной, он вскоре умирал, и это заставило людей поверить, что сжечь бузину можно, чтобы увидеть лицо демона, а если высадить бузину, то демоны уйдут. Отчасти это объясняется тем, что носители палочек бузины непременно оказывались либо спасателями, либо губителями." Гарри задался вопросом, всегда ли мистер Оливандер пугает своих клиентов, не желая покупать палочку, или же он делает это специально для него. Однако Оливандер, как будто прочитав его мысли, помрачнел. — "Вижу, я сказал слишком много, это проклятие возраста, мой мальчик, и я надеюсь, что ты доживешь до этого момента... А сейчас я думаю, что тебе больше подойдет палочка из ореха. Ореховое дерево часто путают с бузиной, но там, где бузина упряма, орех адаптивен и будет слушаться почти любого хозяина, если тот достаточно силен." Оливандер поспешил в заднюю комнату и вернулся с глыбой, похоже, грецкого ореха. — "Надеюсь, эта палочка позволит тебе пройти школу, не страдая от несовпадения. Я знаю студентов с большим потенциалом, которые мучились лишь потому, что

использовали неподходящие палочки. Я возьму сердцевину пера феникса из палочки ели и сделаю для тебя новую палочку из ореха с сердцевиной феникса. Поскольку я сам виноват в том, что не смог найти тебе подходящую палочку, это будет стоить бесплатно." Оливандер улыбнулся Гарри, и тот почувствовал, как внутри него поднимается тепло: никогда прежде никто не проявлял такой радости и доброты, как Оливандер, и Гарри не знал, как к этому отнестись. — "Палочка будет готова в течение недели, и я могу отправить её к тебе по совам, или ты можешь прийти за ней сам через неделю." — "Думаю, будет лучше, если я вернусь через неделю, сэр. Соседи что-нибудь скажут, если увидят сову с палочкой," — осторожно сказал Гарри. — "Очень мудро, хотя ты должен знать, что большинство почтовых сов часто зачаровывают, чтобы они были незаметны для магглов. Если ты всё ещё хочешь прийти лично, я буду ждать тебя в течение недели, тогда, мистер Поттер, ты сможешь заплатить за палочку, как только получишь её." Протянув руку, Гарри пожал её и начал уходить. Когда он открывал дверь, Оливандер окликнул его: — "Палочка никогда не подведёт тебя, однако с возрастом ты можешь обнаружить, что ей не хватает силы. Если это случится, приходи сюда или к другим мастерам, если пожелаешь, и подумай о приобретении другой палочки. Хотя это и редкость, но нередко ведьмы и волшебники используют разные палочки в зависимости от обстоятельств. Вот, к примеру, Альбус Дамблдор: я сам продал ему две палочки, пока он учился в школе, и третью — после окончания, и я слышал, что с тех пор у него появилась четвёртая, которую он использует регулярно." Кивнув, Он вышел из магазина и встретился с Петунией. — "Ну что, мальчик, ты получил свою палочку?" — "Мистер Оливандер сказал, что она будет готова к следующей неделе и что мне нужно будет прийти за ней тогда." Петуния презрительно фыркнула: — "Отлично, тогда пойдем, чем раньше мы уйдём, тем лучше." Незаметно для пары мистер Оливандер наблюдал, как они покидают переулок, и не мог не нахмуриться: Гарри Поттер вызывал у него недоумение. Мальчик, казалось, был в восторге от волшебства, однако волшебные палочки, которые регулярно доставались магглорожденным или даже полукровкам, выросшим в магловском мире, полностью его отвергали. Когда Альбус Дамблдор впервые переступил порог его магазина, Гаррик понял, что мальчик обладает силой. Его манил темный лес, но Гаррик знал, что нравственность Гарри сильнее его жажды власти. В памяти Гаррика всплыл еще один могущественный ребенок — юноша, называвший себя Томасом Риддлом. Как и Гарри, он вошёл в магазин один и, казалось, почувствовал магию, исходящую от его стен. Как и Гарри, он оставил после себя гору неподходящих палочек. В итоге ему больше всего подошла палочка из тиса с пером феникса — пером знакомого Альбуса Дамблдора. Трое сильных детей, каждый из которых пришел в магазин в одиночку, каждый был взрослее своих лет, и каждому из них суждено было совершить великие дела. Когда Гаррик впервые увидел Тома и то, как палочка феникса "отозвалась" на его прикосновения, он понадеялся, что это означает, что Риддлу суждено стать наставником Альбуса, возможно, следующим защитником света. У него была сила для этого, и он напоминал Альбуса в детстве. Однако этому не суждено было сбыться: вместо того чтобы воспитать мальчика и разглядеть в нем потенциал, Альбус увидел лишь тьму и оттолкнул его, в результате чего тот стал одним из самых страшных темных лордов в истории Великобритании. Не нужно и говорить, что Гаррик никогда так не жалел о том, что сдержал язык, как в тот момент, когда он осознал, что великий лорд Волдеморт — это всего лишь маленький Томас Риддл, который был так рад получить палочку и сиял от счастья, когда Гаррик по просьбе мальчика показал ему маленький фокус. Том был искренне счастлив видеть волшебство и с нетерпением ждал возможности научиться всему, что только можно, но Гарри лишь притворялся потрясённым: его идеальная улыбка ни разу не достигала его глаз. Он никогда не станет таким же великим, как Том Риддл, — он будет намного больше.